

ОМУТ ГЛУХОГО УЕЗДА

Валентина Садыкова

Валентина Садыкова

ОМУТ ГЛУХОГО УЕЗДА

<https://litres.ru/74126793>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Земля здесь сырая, недобрая... Будто не Господь её создавал, а кто-то другой, пока Творец отвернулся».

1888 год. Альтернативная Российская Империя.

В уездный город Вертоград, затерянный среди бескрайних лесов Новгородской губернии, прибывает столичный следователь по особо важным делам — коллежский асессор **Родион Воронов**. Его задача — в кратчайшие сроки раскрыть дело об исчезновении и жестоком убийстве барона фон Штильхена, племянника губернатора и руководителя строительства стратегической железной дороги.

То, с чем сталкивается опытный петербургский сыщик, подрывает основы его прагматичного ума:

* Тело барона найдено на замерзшем болоте — оно полностью выпотрошено, а изнутри набито речным илом, мхом и птичьими костями, которые вопреки законам природы... продолжают прорастать в мертвые ткани.

* Столичная логика Воронова бессильна перед глухим саботажем местных жителей, паническим страхом исправника и зловещими проповедями слепого раскольника Ионы.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Валентина Садыкова

ОМУТ ГЛУХОГО УЕЗДА

Глава

ГЛАВА I. Лауданум и сизый туман

Земля здесь сырая, недобрая, Родион Романович. Будто не Господь её создавал, а кто-то другой, пока Творец отвернулся. Избы к болоту жмутся, точно испуганные овцы к забору, а изо мха, коли прислушаться, идет такой вздох, точно под землей баба заживо зарытая дышит...»

Из писем штабс-капитана А. Власова, 1885 г.*

Почтовый тракт на Вертоград кончился внезапно, точно захлебнувшись в навалившемся глухом бору. Колеса кареты, смененные на широкие полозья еще на станции в Чудове, глухо и натужно скребли по насту. Кони — тройка серых, заморенных, с обледеневшими ноздрями — шли тяжело, то и дело проваливаясь по колено в рыхлый, сизый от подступающих сумерек снег. Ямщик, мужик неопределенного возраста, укутанный в три тулупа так, что из-под заячьего малахая виднелся лишь кончик сизого носа да обмерзшая, похожая на веник борода, окончательно перестал материться. Он лишь монотонно, в лад качанию саней, бормотал под

нос что-то тягучее, полумолитвенное-полуязыческое, поочередно поминая то Николу-угодника, то какого-то «сувея-батьюшку».

Родион Романович Воронов глубже зарылся лицом в жесткий воротник медвежьей шубы. Холод в этих краях был особенным — не колючим, столичным, от которого весело покалывает щеки по дороге из ресторации, а сырым, тяжелым, пробирающим до самых костей. Он проникал сквозь сукно и фланель, оседал влагой на воротнике сорочки и тупо, изнуряюще бередил старое ранение в правом плече — память о Плевне, турецкой картечи и трех месяцах в гнилом госпитале под Бухарестом.

Пальцы в лайковой перчатке, спрятанные в карман, привычно нащупали прохладный бок стеклянного флакона. Гладкое, тяжелое стекло с притертой пробкой. Капли лауданума оставались его единственным спасением. Двадцать капель на кусок колотого сахара — и плечо отпустит, а вместе с ним уйдет и этот липкий, серый туман в затылке, терзавший его со вчерашнего утра.

— Эй, любезный, — Воронов приоткрыл рот, чувствуя, как морозный воздух тут же обжигает зубы. Голос его, привыкший к гулкой акустике петербургских судебных залов, прозвучал здесь на удивление плоско и слабо. — Долго еще до города? Барометр мой совсем упал, метель начнется.

Ямщик не обернулся. Он лишь приподнял тяжелый кнут, указав им куда-то вперед, в чащобу, где сосны стояли так

тесно, точно выстроившийся в каре полк. Там, сквозь синие лапы елей, едва заметно теплились редкие, грязновато-желтые огоньки.

— Вертоград, батюшка. Он самый, — сипло отозвался мужик, сплевывая темную слюну на снег. — Успели-таки до темноты, прости Господи. В ночь через волок идти — чистая погибель. Ночесь на погосте такие крики стояли, будто девку режут, а прибежали мужики с рогатинами — ни следа, ни кровинки. Только наст пробит вглубь на три вершка, и дыры круглые, будто баба на одной ноге скакала. Не к добру это. Ох, не к добру.

— Волки, — коротко обронил Воронов, поморщившись. Он терпеть не мог провинциальной мифологии. За годы службы в сыскном отделении он усвоил твердое правило: за любым «чудом», за каждым «оборотнем» или «чертом» всегда стоит вполне земной мерзавец с топором, корыстным умыслом или помрачением ума от сивухи. — Обыкновенные голодные волки, любезный. К зиме они всегда ближе к жилию жмутся.

— Волк — он тварь Божия, — ямщик покачал головой, и иней посыпался с его шапки на плечи. — Волк кости не ломает так, чтоб они в щепу исходили. И нутро волк жрет, а не травой болотной набивает. Барин-то молодой, немец который, тоже всё про волков говорил. Карты свои чертил, железо в землю втыкал — дорогу, вишь, чугунную они тут прокладывать удумали. Хозяйку болотную потревожили, пни

старые корчевать начали. Вот она его и прибрала. Четвертый день как в леднике лежит, а доктор наш, Власов, всё шепчет над ним, а толку-то? Пропадающая земля.

Сани выкатились на открытое пространство. Вертоград открылся перед глазами Воронова не как город, а как нагромождение черных, покосившихся изб, ушедших в сугробы по самые окна. Лишь в центре, вокруг широкой площади, стояли три или четыре каменных здания с высокими крышами и глухими деревянными ставнями. Купеческие гнезда. Над городом висел густой, прижатый к земле морозным небом дым. Ни лая собак, ни детского крика, ни звука гармони — тишина стояла такая, словно весь уезд застыл в ожидании чего-то страшного.

У крыльца уездного полицейского управления, над которым тускло чадил единственный керосиновый фонарь, саням преградила дорогу высокая фигура в форменной шинели с капюшоном. Лошади встали, шумно выдыхая белые клубы пара.

ГЛАВА II. Анатомический театр господина Власова

Внутри управления было жарко до тошноты. Огромная изразцовая печь, занимавшая чуть не треть присутственной комнаты, пыхала сухим, березовым жаром. Пахло мокрым сукном, дешевой махоркой и скипидаром, которым натирали полы. Исправник, Тихон Иванович Лыков, мужчина лет пятидесяти с мясистым, багровым от постоянного употреб-

ления водки лицом и короткими, жесткими усами-щетками, суетился вокруг Воронова со смешанным чувством страха и заискивания.

— Ваше высокоблагородие, Родион Романович! Слава Богу, добрались! — Лыков едва не упал на колени, пытаясь помочь Воронову стянуть тяжелую, смерзшуюся шубу. — Мы уж и не чаяли. Метель-то какая поднимается, гудит в трубах, как ведьма на свадьбе. Чайку? Или, может, с дороги-то очищенной? Купец Караваев, дай Бог ему здоровья, бочонок прислал — чистая слеза, на брусках настоящая!

— Оставьте, Тихон Иванович, — Воронов мягко, но решительно отстранил исправника рукой и присел к тяжелому дубовому столу, на котором громоздились стопки засаленных бумаг. — Дело не терпит. Телеграмма из министерства была категоричной. Племянник губернатора, барон фон Штильхен, убит при невыясненных обстоятельствах. Где бумаги? Где протокол осмотра места происшествия?

Лыков сразу как-то сжался, словно из него выпустили воздух. Багровый румянец сошел с его щек, оставив грязновато-серые пятна. Он оглянулся на массивную дверь, ведущую в казенную часть, подошел к ней, проверил, плотно ли она заперта, и лишь после этого вернулся к столу, опираясь на него пухлыми короткими пальцами.

— Какой протокол, батюшка Родион Романович? — зашептал он, и от него густо понесло луком и сивухой. — Писарь мой, Митька, как тело увидел, так третий день руку дер-

жать не может — трясется, чернила на гербовую бумагу льет. Немец-то наш... барон-то... он ведь не просто убит. Его на Козьем болоте нашли, в трех верстах от полотна будущей дороги. Нашли на замерзшей кочке. На нем ни единой одежды не было, всё до нитки снято, а одежда рядышком сложена — аккуратно так, пуговка к пуговке, сапоги начищены, будто он в театр собрался. А сам... грудина у него, Родион Романович, как топором распахнута, от кадыка до самого срамного места. И пустой он внутри. Чистый, как поросенок опаленный.

Воронов поднял глаза. Взгляд его серо-стальных глаз, холодный и фиксированный, заставил Лыкова сглотнуть слюну.

— Что значит «пустой»? Изъяты органы?

— Изъяты, батюшка. Ни сердца, ни легких, ни печенок — ничего не осталось. А вместо них... — исправник перекрестился размашисто, истово, тремя пальцами. — Набито там всё болотной шванью. Травой сухой, мхом, илом речным. И кости птичьи торчат. Мелкие такие, острые, будто ребра у рыбы. Власов, доктор наш, как стал ил этот вычищать, так криком закричал. Ил-то, говорит, изнутри теплом пыхал. Три дня покойник на морозе лежал, наст вокруг него растаял, а ил внутри — как из печи! Народ у нас шепчется... Раскольники с дальних скитов уже в город потянулись, Иона ихний, слепец, на площади кричал, что это земля мстит за чугунку. Мол, коли не бросят строить — все тут ляжем, и ил из нас расти начнет.

Воронов молча полез в карман сюртука, достал серебряный портсигар, вынул папиросу и раскурил её от стоявшей на столе сальной свечи. Сизый дым поплыл к закопченному потолку.

Логика. Нужно держаться логики. Органы изъяты — это признак ритуального убийства или работы сумасшедшего анатома. Трава и ил — попытка скрыть следы или послание. Тепло внутри тела — абсурд, следствие гниения или неверного замера температуры местным коновалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.